

Р. Г. Назиров

**Становление мифов
и их историческая
жизнь**

Уфа, 2014

УДК 930.85:130.2
ББК 71.04

Назирова Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. — Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат, 2014. — 292 с.

Впервые публикуемая книга известного литературоведа Р. Г. Назирова (1934–2004) раскрывает его концепцию истории европейской культуры сквозь призму становления и развития мифологического мышления, проявляющегося в искусстве, общественной жизни и политике.

На обширном фактическом материале, охватывающем историю человечества архаических эпох, древние ближневосточные культуры, античность, эллинизм, средневековую европейскую цивилизацию и западную культуру Нового времени, делаются обобщения, складывающиеся в оригинальную, обладающую объяснительной силой, философско-историческую систему, в которой миф играет роль базового свойства мышления и концептуализации действительности.

Книга предназначена для историков, филологов, культурологов, философов, антропологов, социологов и широкого круга интеллектуальных читателей.

- © Назирова Р. Г.
- © Орехов Б. В., Шаулов С. С., предисловие, указатели.
- © Муслимов Д., верстка, дизайн обложки.

ISBN

В оформлении обложки использована гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия»

Сумма мифологии

Ромэн Гафанович Назиров (1934—2004), почти всю жизнь проживший в Уфе, известен как литературовед. Признание завоевали его работы, посвящённые творчеству Ф. М. Достоевского. Зато 16 опубликованных им в уфимском сборнике «Фольклор народов РСФСР» в течение 1980—1990-х годов статей об истории фольклорных сюжетов широкого распространения среди специалистов, насколько мы можем судить, не получили.

Первая из них «Наглядная дипломатия» и предметное иносказание в фольклоре и литературе» вышла в 1980 году. С этого времени интерес Назирова к фольклору, мифологии и их связям с литературой и культурой не ослабевает, становясь своего рода продолжением его литературоведческих штудий. В течение двенадцати лет каждый год ученый публикует по статье, каждая из которых представляет реконструкцию истории некоторого мотива, чаще всего восходящего к мифоритуальным истокам:

1. «Наглядная дипломатия» и предметное иносказание в фольклоре и литературе (к постановке вопроса) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 7. Уфа, 1980. С. 66—74.
2. Яблоко и гранат в мифах и сказках разных народов // Фольклор народов РСФСР. Вып. 8. Уфа, 1981. С. 17—23.
3. Череп на шесте. Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву // Фольклор народов РСФСР. Вып. 9. Уфа, 1982. С. 33—43.
4. Шаманский бубен и запертое горе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 10. Уфа, 1983. С. 11—18.
5. Сказочные талисманы невидимости // Фольклор народов РСФСР. Вып. 11. Уфа, 1984. С. 19—33.
6. Нарисованная лодка (к вопросу о происхождении одного фантастического мотива) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 12. Уфа, 1985. С. 19—23.
7. Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 13. Уфа, 1986. С. 28—35.
8. Запрет оглядываться (к происхождению фольклорного мотива) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 14. Уфа, 1987. С. 31—38.
9. Бесценная уздечка (об одном неясном мотиве в исторической песне «Щелкан») // Фольклор народов РСФСР. Вып. 15. Уфа, 1988. С. 18—23.
10. Истоки сюжета «Кашеева смерть в яйце» // Фольклор народов РСФСР. Вып. 16. Уфа, 1989. С. 31—40.
11. Избушка на курьих ножках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 17. Уфа, 1990. С. 5—12.
12. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 18. Уфа, 1991. С. 24—37.
13. Хрустальный гроб // Фольклор народов РСФСР. Вып. 19. Уфа, 1992. С. 83—89.



Эта серия публикаций уже производит впечатление поступательной исследовательской программы, в которой намечаются методологические корни будущего историко-культурного синтеза. Кроме общности научного сюжета и метода, у всех приведенных статей есть и еще одна общая черта: они напечатаны в уфимском периодическом сборнике «Фольклор народов РСФСР», который в советские времена был достаточно известен в научных кругах благодаря его редактору — авторитетному фольклористу Л. Г. Барагу. Однако в настоящее время издание практически забыто и представляет собой библиографическую редкость, что сыграло свою роль в судьбе опубликованных там статей Назирова¹.

Затем в публикациях этой тематики возникает небольшой перерыв, и с интервалом в два года Назиров выступает со статьями, уже выходящими на иной уровень обобщения фольклорно-мифологического материала:

1. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Вып. 21. Уфа, 1995. С. 138—166.
2. Средневековое мифотворчество // Фольклор народов России. Вып. 22. Уфа, 1997. С. 65—74.
3. Специфика художественного мифотворчества Достоевского: сравнительно-исторический подход // *Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series. V. III. Tübingen, 1999. P. 87—98.*

В последней из этих трех статей Назиров, по сути, соединяет два предмета своего научного творчества — миф и литературу. Кроме того, «Средневековое мифотворчество» и мифографическая штудия о Достоевском, как мы теперь знаем, представляют собой незначительную переработку соответствующих глав предлагаемой читателю монографии. В свою очередь первую из этих трех статей можно рассматривать как сжатый тезисный план всего «Становления мифов» (причем, скорее всего, предварительный план).

Все или почти все статьи Назирова по фольклористике посвящены истории и трансформациям сюжетов. Выход к мифу как основе и подтексту древнейших фольклорных сюжетов и к мифопоэтике художественного текста был для него закономерен². Определенное отношение к этому тематическому синтезу имеет и разработанный

¹ Статьи из «Фольклора народов РСФСР», дополненные не издававшимися ранее материалами, были републикованы в книге Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа, 2010. Также большинство этих текстов можно найти в Интернете на странице <http://nevmenandr.net/nazirov/>.

² «Историческая связь события и сюжета для Назирова была реализована в механизме мифа» (Орехов Б. В. Предисловие // Назировский сборник. Исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 6). См. также об этом в первой статье, поставившей проблему мифа в научном творчестве Р. Г. Назирова: Рыбина М. С. Интерпретация мифа (мифологические фабулы и герои) в работах Р. Г. Назирова: к постановке проблемы // Назировский сборник. Исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 8—17



Назировым в 1990-х годах для студентов филологического факультета Башкирского государственного университета спецкурс «Культура и религия». Кроме того, в архиве очень много рабочих материалов (выписок, вырезок, конспектов, разного рода маргиналий) на сопутствующие темы. Они объединены в пачки с материалами под общим заглавием «Миф и символ» и, вероятно, частично служили заготовками для этого курса. Однако для коллег и учеников Назирова стало неожиданностью существование законченного текста, обобщающего эти темы и разработки.

Нужно заметить, что масштабы оставшегося после Назирова архива³ таковы, что счет подобным открытиям, может быть, еще не закончен. В папке же под номером 47⁴ нами была обнаружена рукопись завершённой монографии под названием «Становление мифов и их историческая жизнь». Рукопись не датирована, но, исходя из упоминаемых и цитируемых в ней источников, можно установить временную точку, раньше которой не могла быть закончена работа над книгой. Самая поздняя литература в монографии относится к 1996 году⁵, но творческая история текста, очевидно, сложна. Некоторые соображения заставляют подозревать существование по крайней мере трёх редакций⁶. Имеющийся у нас текст, очевидно, ожидал окончательной правки⁷, которая так и не была произведена, и содержит пометы вроде «переписать», «сократить» и т. д. В то же время монография концептуально завершена, текст выстроен сообразно с внутренней логикой, все разделы заполнены, последующая работа, по всей видимости, должна была носить отделочный характер, но на общую архитектуронику вряд ли повлияла бы.

³ Об архиве см. *Орехов Б. В.* Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции. Уфа, 2011. С. 115–120; *Орехов Б. В., Шаулов С. С.* О Ромэне Назирове // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 36–48; *Орехов Б. В., Шаулов С. С.* Архив Р. Г. Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118–126.

⁴ АРГН оп. 1, д. 47 (см. систему номенклатуры архива Назирова в: *Орехов Б. В.* Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 158).

⁵ То есть уже после публикации статьи «Генезис и пути мифологических сюжетов».

⁶ Так, отдельные листы основной рукописи склеены автором из фрагментов, принадлежащих, судя по характеру бумаги и почерка, различным стадиям работы над книгой. Иногда таких склеек может быть больше трех на листе. Есть также относительно большие рукописные фрагменты, практически дублирующие (за исключением стилистической правки) основную рукопись (и составляющие ее фрагменты).

⁷ «Насколько можно судить, первые наброски к будущим произведениям делаются в ученической тетради, затем перебелиются на листах формата А4, а затем превращаются в машинопись. Каждый из этих трёх этапов может содержать несколько итераций» (*Орехов Б. В.* Текстология Назировского архива... С. 156). В распоряжении публикаторов имеется только вариант текста, перебеленный на листах формата А4. Машинопись монографии неизвестна.



По какой-то неизвестной причине в конце 1990-х годов Назиров, доведя книгу об истории мифов до конца, не стал делать ее окончательной редакцией и заботиться о публикации. Похожая судьба ожидала и другие большие труды ученого (прежде всего, стоит вспомнить «главную», по признанию самого Назирова, работу — его докторскую диссертацию). Возможно, реализовавшись в тексте, тема приобретала для автора эффект законченности и в какой-то мере истощенности, а собственно публикация написанного для зрелого Назирова не была обязательной.

В целом следуя хронологическому принципу, Назиров прослеживает миф от архаики до новейшего времени. При этом его не слишком занимают задачи схематического деления истории мифа и истории культуры в целом на «периоды» или «стадии». Его историческое зрение не противоречит традиционной «школьной» исторической периодизации. Более того, оно (если у читателя возникнет такое желание) может быть легко наложено даже на теорию «общественно-экономических формаций». Просто автора «Становления мифов» не интересуют феномены, пригодные для синхронического осмысления и для создания неподвижных моделей. Всё его внимание сосредоточено на переходах между «стадиями», кризисы культуры занимают его гораздо больше, чем времена устойчивых мировоззренческих и эстетических парадигм.

К примеру, о классической Греции, традиционном источнике материала для всех пишущих о мифе, в книге сказано относительно мало. Значительно больше внимания уделяется предшествующему периоду синтеза крито-микенской культуры и мифологий раннегреческой архаики.

В то же время Назирову свойственно видеть скрытые смысловые конфликты в явлениях, уже давно и непротиворечиво осмысленных. Так, в рациональном XVIII веке он видит скрытый иррационализм и останавливается на нем значительно подробнее, чем на гораздо более известных идеях Просвещения. В этом контексте становится более понятно и его подчеркнуто негативное отношение к Гегелю, которого можно представить как своего рода иконический символ равновесности, нивелирующей само понятие конфликта и антитезы до единства в диалектической триаде.

Отчасти это конфликтно-динамическое восприятие истории культуры созвучно многократно высказывавшейся А. В. Михайловым идее о непродуктивности и некорректности концепции стадийного развития культуры. Отчасти идеям В. Б. Шкловского о возвратно-прерывистом развитии культуры.

Интересно отметить, что Назиров и Михайлов принадлежат к одному поколению, подарившему русской науке ещё несколько блестящих учёных (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, М. Л. Гаспаров, С. С. Аверинцев и др.). Сходство действительно серьезное. Так, каждый из упомянутых выше ученых соединял в себе энциклопедизм и чисто просветительское стремление разьяснить превратно понятое, реанимировать забытое, познакомить с неизвестным. У большинства из них это стремление проявилось в постоянной и неутомимой переводческой и публи-



каторской работе. Назиров в этом замечен меньше⁸, но зато все его труды тем или иным образом нацелены не только на коллег-гуманитариев, но и на «свежих» читателей, лишенных необходимого профессионального бэкграунда. Подчеркнем: речь идет именно о синтезе научного знания и коммуникативной эффективности. Фактически перед Назировым тоже все время стояла проблема перевода найденных смыслов с языка науки на язык удобопонятной лекции.

Поэтому стиль Назирова — подчеркнуто эссеистический, легкий. Ромэн Гафанич был известен как великолепный лектор, умевший увлекательно представить самый сложный материал. Безусловно, за этим стояла именно его склонность к просветительству: он никогда не противопоставлял педагогические обязанности и собственно интеллектуальные труды, считая необходимым для себя и то, и другое.

С другой стороны, этот стиль, конечно, провокативен. Он противоречит привычному «образу научной речи», он обостряет полемические «углы» концепции, он рассчитан не только на интеллектуальное вовлечение читателя в материал, но и на его эмоциональное опереживание.

В каком-то смысле монография Назирова, конечно, не только научный, но и эстетический объект. Здесь напрашиваются ассоциации с В. Б. Шкловским и его научно-художественным творчеством. Нам приходилось об этом говорить и писать⁹. К Шкловскому Назиров относился с большим уважением, и, по всей видимости, нужно констатировать некоторую преемственность стилистики научной речи Назирова по отношению к автору «Гамбургского счета». Их роднят смелость разрушения научных стереотипов (особенно в этом смысле впечатляет в публикуемой монографии глава «Четыре немецких философа»), публицистичность (см. финал монографии Назирова) и склонность к сильным, афористически звучащим утверждениям, как, к примеру, это: «Европейские катастрофы XX века — высокая, но всё же заслуженная плата за кровавый сумрак европейской души, захлебнувшейся в болоте своих мифологий».

С методологической точки зрения ценность монографии в ее синтетизме. К примеру, говоря об этиологичности мифа и его упорядочивающей функции, На-

⁸ При этом роли перевода в культуре он придавал исключительное значение. В устной беседе Назиров однажды сообщил одному из авторов этого предисловия: «Знаете, почему культура XIX века в России была великой, а в XX веке такой ничтожной? Потому что в XIX веке много переводили, а в XX веке бросили это делать». Дневниковые записи Назирова середины и второй половины 1950-х годов в большой степени состоят из собственноручно сделанных им переводов статей из доступных польских газет. В тех же дневниках постоянно упоминается работа по переводу с французского книг о Великой французской революции.

⁹ Шаулов С. С. Об одном малоизвестном «изводе» русского формализма. Теория фабулы и история мифа по Р. Г. Назирову (II Бриковские чтения. «Методология и практика русского формализма», 22–23 марта 2013); Шаулов С. С. Р. Г. Назиров и русский формализм: к проблеме источников индивидуального метода // Назировский архив. 2013. № 2. С. 127–137.



зоров опирается на Е. М. Мелетинского. На него же он ссылается, рассуждая о пространственных категориях архаического мифа и анализируя по ходу работы ряд конкретных эпизодов истории мифологии¹⁰. В рассуждении об упорядочивающей функции мифа и его познавательной ценности Назиров соглашается уже с мыслью немецкого культуролога Эрнста Кассирера об особом значении этизации мифа в первобытном сознании. При этом подход Назирова обнаруживает родство с трансцендентальной (кассиреровской же) концепцией мифа как прямого и первичного отражения самой способности человека к познанию и освоению мира (а не форм, в которых эта способность проявляется). Однако автор «Становления мифов» идет дальше и фактически понимает миф как онтологически первичную форму не процесса познания, а самого феномена сознания. Само собой, такое понимание мифа делает бессмысленными концепции стадияльного развития культуры, в которых миф занимает подчиненное положение, будучи задвинут в первобытную и древнюю историю. Здесь Назиров расходится с Кассирером и его концепцией эволюции познания и в каком-то смысле приближается к идеалистическим (например, к развиту А. Ф. Лосевым) трактовкам мифа.

Впрочем, глубокая методологическая критика (или апология) книги не могут входить в задачи предисловия. Сейчас важнее отметить другое. Обращение литературоведа, специалиста по Достоевскому, к фольклору и мифу только на первый взгляд может показаться нетривиальным поворотом научной биографии. Но Назиров занялся изучением и концептуализацией истории мифа потому что при всей своей масштабности проблематика русской литературы не давала ему достаточного оперативного простора для создания по-настоящему глобальных концептуальных схем. Безмерный по своей природе миф как раз стал и достойным интеллектуальной мощи Назирова объектом осмысления, и полигоном для формирования универсалистских идей.

Даже по его юношеским дневникам видно, что ему был свойствен интерес ко всему пространству культуры, постоянный интеллектуальный голод. Миф позволил обобщить накопленный опыт осмысления и систематизации культурных феноменов.

История культуры во всех ее частностях (от литературного процесса и трансформаций фольклорных сюжетов до эстетических революций и идеологических конфликтов Нового времени) у него предстает как результат взаимодействия неизменной мифологической основы сознания и меняющихся историко-культурных условий. При этом вся конструкция именно благодаря мифу (как универсальному

¹⁰ Вообще Назиров плотно вовлечен в текущий научный процесс в той дисциплине, по которой написана монография. Дело не только в ссылках на Мелетинского, но и в том, что книга Назирова во многом идет параллельным курсом с этой научной традицией. Так ряд положений книги весьма схожи с работами С. Ю. Неклюдова (о чем нам доводилось говорить в докладе на семинаре в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ). Вполне вероятно, можно заметить и другие показательные схождения.



объяснительному и в своих корнях гуманистическому механизму сознания) сохраняет способность к этической оценке человеком. Иными словами, миф — это ключ к историческому самопознанию человечества.

Философские координаты, в которых существует концепция Назирова, своеобразны, многообразны, и выходят далеко за пределы традиционного набора идеологием, применяемого в исследованиях мифологии. Так, этический взгляд на историю — ясное наследие русской философии Серебряного века. В то же время Назиров явно пытается поставить это мировоззрение на эмпирическую почву. Судить о том, насколько его попытка удачна, на наш взгляд, пока рано. Ясно лишь, что она привела к появлению труда, как минимум, нетривиального.

Нетривиального именно своей жесткой «привязкой» к историческому факту, эмпиризмом и историзмом в отношении к предмету. При всей легкости и кажущейся эссеистичности стиля Назирову свойственна строгая исследовательская дисциплина, требующая последовательности и системности развертывания материала, постепенного и скрупулезного строительства итоговой концепции. Эти свойства отчетливо проявляются не только в самой композиции работы, но и в каждом конкретном историко-культурном экскурсе.

К примеру, глава «Карьера Сатаны», вклиниваясь между поздним Средневековьем и эпохой Возрождения, на первый взгляд, нарушает композиционную целостность работы. На деле же это один из стержней, скрепляющих всю концепцию. «Карьера» этого мифологического героя прослеживается от самого начала в раннебиблейских текстах и оформлении в раннехристианской мифологии до его реактуализации и философского усложнения в фаустианском мифе Ренессанса и дальше — до его отражений в культуре Нового времени, вплоть до XX века. «Карьера Сатаны», таким образом, в миниатюре демонстрирует подход Назирова к объекту: целостное (в пределе от архаики до самой актуальной современности) описание истории, плавно перетекающее в культурологическую и философскую концептуализацию. Подчеркнем еще раз, что последняя невозможна у Назирова без опоры на обширный фактический материал.

Отношение Назирова к этому материалу сочетает в себе панорамное зрение и умение при необходимости перейти к самой ювелирной детализации анализа. Именно это придает «Становлению мифов» эвристическую ценность: концепция может расширяться, вбирать в себя новые факты, обогащаться, изменяться и порождать (может быть) новые интеллектуальные схемы. Модель, созданную Назировым, можно и нужно применять к новому, не затронутому им материалу. Так, в нее легко вписываются не только упоминаемый им Томас Манн, но и, к примеру, не затронутые в книге Джеймс Джойс с его трагедийной реактуализацией мифа об Одиссее и синтетическая художественная мифология латиноамериканского романа второй половины прошлого века.

Все это дает читателю возможность прочесть книгу Назирова сразу в нескольких плоскостях. «Становление мифов» может быть понято и как своеобразный просветительский экскурс в историю европейской культуры, и как нетривиальная



научная концепция этой истории, и даже как трактат по философии истории. При этом тотальность охвата материала, универсализм культурного восприятия и неизменная этическая основа научной мысли, на наш взгляд, ставят этот труд в один ряд с крупнейшими явлениями отечественной гуманитарной мысли. Рискую навлечь на себя упреки в предвзятости, скажем, что по масштабу и глубине книга Назирова занимает место рядом с трудами классических творцов русской мысли XX века — Вячеслава Иванова, Лосева, Бахтина.

Предлагаемая читателю публикация максимально приближена к обнаруженному в бумагах автора тексту. Сноски даны в том виде, в котором они присутствуют у Назирова. Редакторские примечания даются под «звездочкой» — «*». Текст печатается по основной рукописи, дублирующие и отчасти не совпадающие с ней отрывки работы, также присутствующие в архивной папке будут в ближайшее время опубликованы в специализированном научном журнале «Назировский архив». Семантически значимые пометы, содержащиеся в рукописи, даются в редакционных сносках под знаком «*». Подчеркивания в тексте везде принадлежат Назирову.

Текст подготовлен к публикации коллективом в составе: С. С. Шаулов, М. С. Рыбина, Б. В. Орехов. Мы приносим самую искреннюю благодарность тем, без которых эта книга не могла бы выйти в свет. Прежде всего, это вдова Р. Г. Назирова Тамара Николаевна Барышникова, моральная поддержка и деятельная помощь которой в работе с архивом сделали возможными те впечатляющие интеллектуальные открытия, которые дарит письменное наследие выдающегося ученого. Бескорыстное участие директора Уфимского полиграфического комбината Шамиля Рагиповича Биккулова в деле просвещения и сохранения культурного наследия сделало возможной публикацию этой книги. Работа над архивом Назирова была интенсифицирована в 2013 году благодаря тематическому гранту БГПУ им. М. Акмуллы¹¹. Публикаторы благодарны также участникам семинара «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» (научный руководитель семинара — доктор филологических наук, профессор Сергей Юрьевич Неклюдов) Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, позволившим представить текст монографии Назирова и организовать его первичное обсуждение.

Б. В. Орехов, С. С. Шаулов

¹¹ Проект «Исследование и популяризация научного наследия Р. Г. Назирова» (руководитель — проф. В. В. Борисова).